

Гости из Поднебесной

В июле в здании исполкома Международного сообщества писательских союзов произошло событие, равного которому по масштабу не было давно. Нас посетила делегация из Китая, включавшая в себя 23 писателя. Сотрудники исполкома и московские писатели, надо сказать, изрядно волновались перед этой встречей. Ведь в последние 20 лет творческие связи с Поднебесной стало всё сложнее и сложнее поддерживать из-за объективных реалий и правил, устанавливаемых мировым сообществом для деятелей искусства.

С российской стороны встречу открыл начальник отдела международных связей и инвестиций МСПС, первый секретарь правления МГО СП России Максим Замшев. Он провёл краткий экскурс в историю взаимоотношений России и Китая, рассказал о Дворе Ростовых, о великих традициях этого здания, о людях, которые в нём работали и работают ныне.

Руководитель делегации китайских писателей, представляющих провинцию Шэньси, Ван Фаньань в ответном слове поблагодарила исполкома МСПС за организацию встречи и за внимание, которое оказывается в России китайской культуре.

Далее последовал обмен мнениями, барражирующий от официальных речей до непринуждённых дискуссионных реплик. Большое впечатление на всех присутствующих произвело выступление сопредседателя Союза писателей России, поэта Владимира Исайчева, который не только порадовал аудиторию своими стихами, но и исполнил авторскую песню под музыку композитора Александра Морозова. Вице-президент Лиги писателей Евразии Геннадий Шлапунов в своей речи подчеркнул необходимость совместных издательских программ и расширения обмена делегациями, в чём нашёл поддержку и понимание китайской стороны. Поэт Олег Хабаров сконцентрировался на связи литератур двух стран с экологическим мировым кризисом, предложил план совместных действий для решения этой животрепещущей задачи.

Выступили также писатели Александр Грищенко, Альберт Оганян, Владимир Иншаков, Бежан Намичевили.

Высоких наград Китая были удостоены Владимир Боаринов, Максим Замшев, Владимир Исайчев, Виктор Балдин.

Уроки Китайского

Состоявшаяся в стенах МСПС встреча китайских и российских писателей, любопытна, прежде всего, прагматикой возобновления контактов литератур двух великих народов, примечательна ещё одним важным фактором. Духовный в своей основе, он не столько в содержании и в результате встречи, каковые в силу ряда причин не могли иметь значительных последствий, но определяется феноменом китайской литературы. Для российских писателей, да и вообще для всей культурной России, встреча с китайскими коллегами явилась прежде всего уроком, бесценным и необходимым. Уроком того, почему и как одна нация стремительно расширяет культурные горизонты, а другие сохраняют его тысячелетиями.

То, что происходит в современную эпоху с русской литературой, иначе как упадком не назовёшь. Интерес к ней минимальный, она стала элементом сомнительного развлечения, не больше; читатель ищет в слове не постижения смыслов бытия, но авантурных, сексуальных, детективных, квазиэротических и псевдонаучных изысков, резво штамповых литремесленничества на потребу себе подобным. Применительно к современному процессу общения с книгой вряд ли стоит вообще употреблять термин «читатель». Правильной было бы – «потребитель». Тиражи серьёзных изданий сведены до минимума и зачастую являются заслугой меценатов. Книжные магазины сократились в числе и во многих районных городах перепрофилировались в лавки канцтоваров и в развалы детективного чтива. За последние двадцать лет Россия словно вернулась к эпохе начала восемнадцатого столетия, когда литература считалась анекдотом типа: «ку авалера де Рогана изо рт дурно пахло». Очевидная тенденция свидетельствует о неуклонном сведении слова к сопроводительной надписи под картинкой комика.

И вот в конференц-зале Международного сообщества писательских союзов появляются литераторы из китайской провинции Шэньси.

И на фоне редуцирующейся экономической, демографически и культурно России ничего не остаётся, как вспомнить, что перед нами, российскими писателями, – представители четырёхтысячелетней культуры и литературы государства, испытывавшего куда большие катаклизмы, чем Россия.

И задаётся вопросом: как могло стать, что мы теряем своё, а они сохраняют? Может, причина в особом, врожждённом пietetе древних китайцев к слову – пietetе, который выразил Конфуций, говоривший, что литература (вэнь) является высшим вы-

Участники встречи (слева направо): Альберт Оганян, Владимир Исайчев, Ван Фаньань, Максим Замшев, Владимир Иншаков

ражением высшей мудрости и неразрывным звеном, связывающим позднейшие поколения с идеей изначальной правды; отсюда литература – не забава, но величайшее служение человечеству.

Подтверждается это длительностью существования китайской литературы.

Она началась эпохой Шан-Инь (1766 – 1122 годы до н. э.), совпавшей с периодом расце-

знаний личность просто не могла считаться достойной. И хотя в Китае случались периоды «сожжения книг», периоды литературных ренессансов следовали неукоиснительно и древние письменные знания восстанавливались по возможности в полных объёмах. Эпоха Борющихся царств, совпавшая с расцветом полисов Древней Греции и началом возвышения Древнего Рима, одарила мир, кроме философии, и так называемыми чувскими строфами – поэзией южных областей Китая, отмеченной красочными описаниями богов, сказочных существ и растений,

равно и чудесных странствий за пределы земного мира. Династия Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) стала эпохой жанра «фу» (оды) и «юе фу» (народной песни). Задолго до Рождества Христова в Китае расцвела профессиональная поэзия. Имена Цюй Юаня (340 – 278), Цзя И, Сыма Сянжу открывают сокровищницу китайской автор-

ской поэзии. В связи с этим хочется подчеркнуть, что с древности светское крыло китайской словесности развивалось столь же волюно и мощно, как и крыло официальной законодательной, философской, наставительной и религиозной литературы.

В 151 году до н. э. родился знаменитый китайский историк Сыма Цянь, оставивший блестящие «Исторические записки».

Династия Тан (618 – 907) стала золотым веком китайской поэзии, прославившей имена великих Ли Бо, Ду Фу, Ман Хаожаня и др. Число знаменитых танских поэтов достигло двух тысяч, а число сохранившихся до наших дней их стихотворений – 48 тысяч. В год падения дома Тан на Руси только только утверждалась династия Рюриков и Вещий Олег, опекун князя Игоря, сына Рюрика, предпринял поход на Царьград. В Китае же к этому времени сменилось двенадцать династий, пали десятки царств, произошёл ряд нашествий кочевников, случились несколько широких народных восстаний. Главное же – более двух тысяч лет развивалась литература.

Интересно, что в X веке в Среднем Государстве, как Китай называл себя, утвердилось книгопечатание, после чего рукописные книги стали редкостью. Двигали издательским прогрессом, конечно же, любители китая в литературе и пietet перед письменным словом.

Династия Сун (960 – 1279) ознаменовалась расцветом городского романа и городской новеллы, самая известная из которых – «Нефритовая Гуаньинь». Монгольское нашествие, закончившееся утверждением династии монгольских императоров Юань (1280 – 1367), вывело на первое место классическую китайскую драму. Известны Гуань Ханьцин, Ван Шифу, авторы прославленных пьес. До нас дошло около 30 юаньских драматических произведений. В России же этот период, пожалуй, – самое мрачное время с редкими летописными подвигами просвещённого монашества.

Следующая эпоха Мин (1368 – 1644) родила классическую китайскую прозу. Ши Найянь (1296 – 1372) творит авантюрно-приключенческий роман-эпопею о крестьянском восстании «Речные заводы». У Чэньянь (1500 – 1582) делается знаменитым своим романом-феерией «Путешествие на Запад» – роскошным фэнтэзи о поисках танским монахом книг буддийского учения, которые он должен доставить в Китай.

Ло Гуанчжун (XIV век) пишет грандиозный исторический роман «Троецарствие» о перипетиях борьбы древних китайских царств. Анонимный автор выпускает любовно-эротический роман «Цзин, Пин, Май»... Эти произведения, написанные хорошим разговорным языком, выходили в Китае на протяжении сотен лет и в виде скромных ксилографических копий, и как прекрасно иллюстрированные издания. В русской же, например, литературе XVI века самым распространённым жанром продолжало оставаться летописание и нравоучительные сочинения вроде «Домостроя».

На эпохе Мин развитие китайской литературы, безусловно, не заканчивается. Однако последние периоды уже совпадают по времени с зарождением европейской и русской художественной литературы, а нам важно было указать на сходную с чудом предшествующую тысячелетнюю историю литературы Китая. Не ошибусь сказав, что литература и Китай – понятия неразрывные. На это указывают значения китайского иероглифа «вэнь»: письменность, язык, сочинения, литература, утончённый, цивилизация, культура, цивилизанный, украшение, узор, орнамент, документ, текст.

Да, литература есть цивилизация, ни больше ни меньше. Вот как в китайском менталитете сопрягаются два понятия! В России же не только литература, но вся культура в общем и целом содержится на остаточном принципе.

И вот до сих пор и Китай стоит, и литература его продолжается... Интересно, что если в бурные 90-е Россия закатывала в свои литературные амбары, главным образом, зарубежную словесную муть, надолго определившую эстетическое состояние современного российского флистера, то в Китае в эпоху власти маньчжурской династии, а именно в 1772 году, император Цяньлуан повелел составить списки литературных работ, представляющих художественную ценность. В них были включены 10254 произведения, 3461 из которых было воспроизведено, и последние были поделены на четыре категории: классические тексты и комментарии к ним; исторические предания; философские трактаты; беллетристика. Царствующий маньчжурский захватчик затеял о составлении литературного золотого фонда покорённой нации, и не важно, со скольким пониманием и искренностью это делал. Главное – узаконение литературных образцов, освящённых временем. Было ли у нас подобное? Существовал ли у нас сходный интерес к слову? Аналогов не припомнится. В годы советской власти издавались, правда, избранные книги и даже был определён партийно-государственный политический ряд классических книг, в число которых входили, в частности, сочинения В.И. Ленина. Но и Ленин забыт теперь, и большинство из учреждённого КПСС золотого фонда. Однако законодательно, подобно инициативе Цяньлуана, стихами которого, кстати, покрывались стены дворцов, городских и парковых построек, – законодательно шедевры русской литературы никогда определены у нас не были. И выходит, что глубокая да богатая якобы русская душа оказывается на поверку не вполне глубокой и богатой, коль забывает о своих литературных достижениях и не создаёт из них кумира. А такой кумир нужен. Нужен больше государственной символики, которой мы поклоняемся, несмотря на её постоянную смену. Тогда как духовные кумиры непреходящи.

Хочется, чтобы Россия существовала – вечно. Китай, имеющий громадный и трагический опыт невероятно длительного бытия, даёт его алгоритм. В числе элементов последнего – культ книги. Неважно, что войдёт в законодательный литературный пантеон, ошибки неминуемы. Важен сам КУЛЬТ КНИГИ. Остальное приложится...

Вот какие мысли приходили на ум на той встрече. Мы смотрели на скромно одетых китайских коллег из провинции Шэньси – колыхали китайской цивилизации – и тихо завидовали их наследству, состоящему из вечной, великой китайской литературы, носящей изычное, полётное китайское название – «вэнь». И урок нам был простонапросто четырёхтысячелетняя история литературы Китая. И мы ещё больше смущались, слыша, как китайцы восклицают: «Вэньское ваньсуэй!» («Да здравствует литература!») – поскольку дословный перевод означает: «Десять тысяч лет литературе!» Да, мы смущались зная, что так и будет и их литература проживёт ещё сто веков и, может, тысячу.

И мы ждали того же многострадальной русской литературе.

Игорь НИКОЛЕНКО

ОБЗОРЫ

Собаки на фоне человечества

Леонид Сергеев. Мои собаки. – М.: ИЦ «Москворедение», 2011. – 382 с.

заводить собаку: она-то в чём будет виновата, чтобы ещё и за чужие грехи отвечать? Леонид Сергеев – писатель не только «детский», за что получили немало литературных премий (к слову сказать, и как иллюстратор книг для подростков), но и вполне «взрослый» (ему совсем недавно исполнилось семьдесят пять лет). Обладая свойственным лирическим стилем, тонким юмором, пристальным вниманием к человеческим судьбам. Выносящий своим пером меткие оценки людям и событиям, даже самым малозначительным, не ускользающим от его ока.

А ещё он писатель «животный». Хочется так и назвать, не в обиду, а, напротив, в высшей степени комплиментарно. Не «пишущий о животных», о них пусть зоологи свои, несомненно важные, труды составляют, а именно постигающий душу братьев наших меньших. Их любовь, верность, тоску и отчаяние. Хотя кто кому в этом родстве старшим приходится – тут ещё поспорить можно. Господь ведь людей позже создал, а некоторых – так не из глины, а из помёта этих самых животных (некоторых, скажем честно, даже из крысиного).

Но Леонид Сергеев во все эти поповские сказки вообще не верит, он атеист, о чём неустанно всех нас уверяет в ЦДЛ. Но я думаю (и надеюсь), что это всего лишь на словах, некая защитная маска, чтобы и нему в душу не лезли. Да и как может человек быть атеистом, если столько любит собак и признаёт наличие у них большой и преданной собачьей души? А впрочем, его взаимоотношения с Господом – это личное дело самого Леонида Сергеева, и не мне тут что-либо лаять. А пролаю-ка я лучше про его свежую книгу «Мои собаки», вышедшую только что в издательстве «Москворедение», за которую он заслуженно получил премию имени С.В. Михалкова. К слову сказать, книга эта снабжена прекрасными иллюстрациями автора, очень светлыми и душевно чистыми. Такими, что ты будто бы сам возвращаешься в детство, где всё вокруг тебя окружено некой волшебной тайной, а собаки имеют почти человеческие лица и взгляды и умеют, без сомнения, говорить. Болтать с тобой на любые темы. Это потом, взрослея, ты учишься понимать их язык. Вот только Леонид Сергеев не разучился. Мастерство, как говорится, не пропадёт.

Три повести составляют этот большой, с любовью изданный сборник: «Самый дружелюбный пёс на свете», «Железный дым» и «Моя прекрасная подружка». Все они, как не трудно понять, о живших в разное время с автором любимых животных, друзей и подружек, которых и собаками-то трудно назвать, настолько они человечены.

О пройденных вместе с ними дорогах Подмосковья, о выпавших на их долю приключениях, о встречах на пути людей, о милых и простых радостях совместного существования и горькой печали неизбежного расставания. Бескритичная ироничная книга, местами лукаво-фантастическая, но насколько же она глубока и духоподъёмна! Всем любящим собак рекомендую её прочесть, а живущим только с подобными себе существами – пройти мимо. Тут мне вспоминается мудрая фраза другого англичанина, Уинстона Черчилля, загнущего нечто такое: «Чем лучше я познаю людей, тем больше люблю собак».

Я считаю, даже глубоко убежден, что каждый уважающий себя и читателя прозаик должен непременно испробовать свои творческие силы в животноводстве, чтобы написать хоть что-то о любимых собаках, коровах или, на худой конец, хомячках. Хотя и в другом, в прямом смысле не возбраняется, – может в этом-то и будет его истинное призвание? Мне могут возразить: ну зачем писать о собаках, они даже в Библии названы тварями нечистыми. А у некоторых народов слово «собака» и вовсе звучит как оскорбление человека. Возражайте лучше Уинстону Черчиллю. Я же отвечу так. Не надо забывать, что многие смыслы и понятия Ветхого Завета – аллегорические. Собака со страниц Библии – это, прежде всего, образ, метафора, символ обездоленности, нищеты и страдания. А Христос сказал апостолу Павлу: «Что Бог очистил, не почитай нечистым».

Хотя, конечно, с точки зрения здравого смысла и полезности, держать дома пса не всегда оправдано, скажем, из-за специфического запаха, аллергии или громкого лая. Да и не всякому эта радостная повинность по зубам. Но это уже вопрос целесообразности, а отнюдь не церковной дисциплины. Я бы также с удовольствием обратился к житиям христианских святых, с рук которых кормились дикие звери и тем самым «оживались»; к традициям Руси, когда на праздник Богоявления хозяин кропил святой водой домашний скот, стремясь очистить любое творение Божие; да и вообще к реликтовой памяти о безгрешном возделывании сада с животными сада Эдемского. Но не позволяю время и место. Да ведь и повести Леонида Сергеева вовсе не о том, не о философско-религиозном осмыслении существования людей и собак. А просто об их удивительной любви друг к другу.

И последнее. Так уж вышло, что, когда я заканчивал чтение этой книги, у меня умерла моя дорогая четвероногая подружка, которая прожила со мной долгих пятнадцать лет. Но сейчас не о ней (когда-нибудь я тоже напишу о её жизни). А утешение в горе мне принесло именно замечательное, доброе повествование Леонида Сергеева, трогающее в душе те струны, которые звучат столь редко в нашем коварном мире в свете сует. Любите собак, живите с ними, будьте в них и ступайте вместе с ними в рай.

Александр ТРАПЕЗНИКОВ

P. S. от Редакции

«Библия не отделяет друг от друга животных. В Библии не говорится о какой-либо дискриминации собак, не содержится какой-либо запрет на неё. Правда, в Библии есть места (например, в послании Апостола Петра), где содержатся, казалось бы, неслетные слова о собаке: многие грешники, обратившись в Христианство, вновь возвращаются к своим грехам, как пёс возвращается на свою блевотину (2 Пётр. 2, 22). Но это же не есть хула на животное. Да, это библейское выражение, вошедшее даже в поговорку, но, повторю, не отрицательное отношение к собаке, ибо там же сказано, что «вымытая свинья идёт валяться в грязь». Или вот в Евангелии говорится: «Не давайте святым псам». Тут опять же нет отрицательного отношения к собакам! Просто всё должно быть соразмерно. Нет, собака – удивительное животное. Отец Александр Мень как-то сказал: «Собака – это вообще почти как человек». Кто ещё из животных может так любить человека, быть таким верным другом? Я не могу вспомнить библейских, евангельских выражений, плохо говорящих о собаке или содержащих запрет на содержание её в доме. Другое дело, что в прежние времена, когда уклад жизни людей был другим, собака, выполнявшая роль сторожа и пастуха, естественно жила во дворе, а не в доме. Сегодня же образ жизни человека изменился, но собака по-прежнему нам нужна во всех её ипостасях, и мы, живя в городе, не можем держать свою собаку где-то вне квартиры, хотя в деревнях обычно их, как и раньше, держат в конуре во дворе. Вот, видимо, из таких чисто практических и традиционных соображений и появилось мнение, что собаку нельзя держать в доме. Нет и не может быть запретов на это».

Священник о. Владимир (журнал «Друг», 1995, № 2)

Державинский фестиваль

Участники Державинского фестиваля. Встреча с читателями. Выступает Лилия Газизова

12-13 июля 2011 года в Казани прошёл II Всероссийский Державинский фестиваль поэзии. Последние трагические события (12 июля объявлено Днём траура по погибшим в результате крушения теплохода «Булгария». – Прим. ред.) придали этому мероприятию горестный оттенок. Тем не менее фестиваль состоялся и привлёк внимание широкой общественности.

В рамках фестиваля в Национальном музее Татарстана состоялось открытие выставки «Державин – бич вельмож», посвящённой антикоррупционной деятельности Гаврилы Романовича на посту первого министра юстиции России. На церемонии открытия присутствовали министр культуры РТ Айрат Сибагатуллин, председатель Союза писателей РТ Илфак Ибрагимов, директор Всероссийского музея А.С. Пушкина Сергей Некрасов (Санкт-Петербург), народный артист России Николай Бурылев, секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов, заместитель министра культуры Калужской области Вадим Терехин, народные поэты Татарстана Ренат Харис, Роберт Миннуллин и многие другие.

Запомнился вечер поэзии гостей фестиваля в музее Аксёнова, на котором выступили со своими стихами председатель Союза российских писателей Светлана Василенко, главный редактор журнала «Сибирские огни» Владимир Берязев (Ново-

сибирск), заместитель главного редактора журнала «Бельские просторы» Светлана Чураева (Уфа), Наталья Елизарова и другие.

Дина ТАНЕЕВА